

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Деревня Вишняковка утонула в сугробах. Снег лежал везде: он завалил дома и огороды, соседние перелески и островки кустарника. Складки местности практически не просматривались. Околица деревни превратилась в неодолимый снежный вал.

Группа лейтенанта Шубина разделилась, ползли по одному, собрались только у крайнего участка. Домовладение было заброшено, изба сгорела. Словно покалеченная зенитка — дулом в небо, торчал обугленный дымоход. Пожар случился не вчера, запах гари давно развеялся.

В глубине деревни лениво тявкала собака. Ночь еще не кончилась. Мороз пощипывал щеки, их постоянно растирали шерстяными рукавицами.

— Деревня не маленькая, товарищ лейтенант, — отчитался сержант Лазаренко — крупный, но подвижный малый, отправившийся на фронт напрямик из рядов московской милиции, — дворов тридцать или даже больше. Население — в наличии, но все попрытались в из-

бах. Дымок кое-где курится. Дорогу с запада не-много расчистили — значит, немцев ждут. Вы уверены, что это единственная дорога, товарищ лейтенант?

— Уверен, сержант. На семь верст в округе нет других дорог. Сплошь леса и... непонятно что. Дорога из Бутова в Вишняковку — единственная артерия, по которой могут подойти немцы.

— Местность в низине, товарищ лейтенант, — напомнил красноармеец Левашов, немногословный, головастый. — Тут снег до лета не растает. Немцам на бульдозерах пробиваться придется.

— Если надо, пробьются, — отрезал Глеб. — Подобные картины мы уже наблюдали. А нет бульдозеров — местное население организуют. Лопаты в деревнях еще не кончились. Вишняковку надо осмотреть.

Находиться в неподвижной позе было невыносимо. Даже в валенках и теплой одежде хотелось постоянно двигаться. Немцам в этом плане было еще хуже. На долгую войну командование вермахта не рассчитывало. В войсках отсутствовало необходимое обмундирование. Солдаты не были обучены действовать в зимних условиях. Но вражеское наступление продолжалось, и над Москвой нависла угроза.

Красная армия была уже не та, что полгода назад. В войска поступало теплое обмундирование, шире использовалось автоматическое

оружие. Утепленные маскхалаты в разведывательных подразделениях уже не были диковинкой. Разведчики сливались со снегом. Капюшоны надвинули на ушанки, затянули резинками. Каждый человек как капуста с кучей одежек. Мешали лыжи, но как без них в этом снежном царстве? Лыжи были короткие, широкие, как снегоступы, с примитивными креплениями. Их приторачивали к вещмешкам параллельно земле, чтобы не стучали по ногам во время ходьбы.

Бойцы зарылись в снег, ждали приказа. Восемь невнятных бугорков, размытые лица. У всех — автоматы «ППШ», гранаты, ножи и даже глушитель братьев Митиных, крепящийся к стволу «нагана», — один на всю группу. Рацию не брали — лишняя обуза, до своего расположения десять верст — не такой уж крюк.

Глеб прислушался. Собака перестала тявкать, послышались невнятные голоса: в морозном воздухе звук распространялся, как по воде, ясно и далеко. Немцы в темное время суток наступать не любили — разводили костры, жгли солянку и грелись. Если встречались деревни с целыми избами, набивались в них, как селедки в бочку, и до утра — никакой войны. Зима 41-го года выдалась для них, мягко говоря, негостеприимной.

— Лазаренко, веди свою группу северной околицей. Мы пойдем южной, встречаемся у центральной избы. Да не шуметь там, не нравится мне что-то здесь...

Нога еще побаливала: повредил три недели назад, когда освобождали генерала Беспалова. Идти пешком — еще ничего, но во время бега конечность начинала ныть, напоминая о том печальном дне, когда из группы выжили только трое. За три недели утекло много воды, война разбросала людей, Шубин оказался во 2-й Московской дивизии, прикрывающей северо-западное направление. Контингент был пестрый, дивизия на восемьдесят процентов состояла из ополченцев. И это стало нешуточной проблемой. Даже лучшие из этого необученного бою — все равно ополченцы!

Он полз по снегу, экономя дыхание. Деревня лежала в низине, под снежным саваном. Небо в этот год было щедро на осадки. Формально зима еще не началась, на дворе 21 ноября, но снега выпало — больше уже и не надо. Он был рыхлый и тяжелый, скатывался в комки — увы, не тот снег, по которому скользишь, как на санках.

Избы сгрудились, их окружали голые деревья. Немцы в деревню не входили — их Шубин почувствовал бы за версту. Разведчики ползли следом: красноармейцы Левашов и Вербин, ефрейтор Гончар. Первые двое — ополченцы, но способные; первый всю осень служил в подразделении гражданской обороны, тушил пожары, сбрасывал зажигалки с московских крыш. Случались стычки с вражескими корректировщиками. Борис Вербин — студент консерватории по

классу рояля, но не изнеженный интеллигент. Хотя в семье все было как положено: папа — декан, мама — директор балетной школы. Жизнь Бориса определялась не только музыкой, он занимался боксом, лыжами, бегал кроссы. Ефрейтор Гончар — темноволосый, постоянно бледный — воевал в кадровых частях с середины лета. Оттого, видать, и бледный — посмотрелся такого, что людям видеть не положено...

Группа Лазаренко ушла во мрак. В ней было три человека, помимо сержанта: Гулыгин, Карабаш и Лапштарь. И та же история — только двое, Лазаренко и Гулыгин, были кадровыми военными.

Через плетень проползли, как через порожек — он едва выступал над снежным покровом. Дальше шли на четвереньках. Наделы сельчан не везде смыкались — обозначился проход между скособоченными оградами. Ноги тонули в снегу, шли медленно. Эта часть деревни казалась вымершей, чернели просевшие в землю строения. Снег нависал над стрехами, придавливал крыши. Пахло дымком. Где-то в стороне разговаривали люди. Чужаки в деревню пока не прибыли.

Шубин первым выбрался к дороге, присел за скособоченной трансформаторной будкой — яркой приметой гибнущей цивилизации. Обозначилась деревенская улица, она же единственная артерия, связывающая несколько населенных пунктов. В пределах деревни дорогу почистили.

Она убежала на запад — взбиралась на покатый холм, терялась в еловом лесу. На восток еще не прочистили — руки не дошли. Лазаренко был прав: не для себя старались.

Глеб присел за будкой, осмотрелся. В спину дышал Гончар, обходился без комментариев. Дорога была сравнительно широкой. Привести такую в порядок — и можно всю армию провести. Вдоль заборов высились рукотворные сугробы. Шубин бросил через плечо: всем оставаться на месте, не отвечивать. Разведчики послушно отступили в переулочек, отполз Гончар.

На другой стороне что-то происходило. Глухо смеялась женщина, потом захлопнулась дверь, и смех затих. Наперебой заговорили мужчины, потом тоже замолчали. Проплыла над оградой шапка-ушанка, скрипнула дверь сарая. Справа на дороге появились двое, двигались на запад. Коренастые мужики в телогрейках — они прошли мимо, негромко переговариваясь, зашли в калитку. На крыльце обстучали ноги, заскрипела дверь.

— Петрович, когда ты ее смажешь? — проворчал недовольный голос.

Изба была вместительной. Она смотрелась опрятно, в отличие от соседних. Дорожку к крыльцу недавно прочистили, как и скаты крыши. На крыльце мерцал огонек папиросы. Люди на морозе долго не курили, несколько затяжек и — обратно в дом. Потом из избы вышла жен-

щина, быстро просеменила по дорожке, отперла калитку и побежала по деревне. Стало тихо, только из избы проистекал монотонный гул.

— Товарищ лейтенант, скоро немцы появятся, на Клин пойдут, — забормотал в спину Гончар. — Местные предатели их ждут, хлебом-солью встречать собираются. Не сожгли наши эту деревню, недоглядели...

Увы, не в каждом населенном пункте оккупантов встречали как должно — огнем из берданок, злобой и презрением. Недовольных советскими порядками скопилось предостаточно. Одни ненавидели большевистскую власть, подарившую народу колхозы, другие тряслись за свою жизнь. Откуда взялись все эти люди, еще вчера — законопослушные, преданные революции граждане?

Масла в огонь подлил приказ Ставки ВГК № 428 четырехдневной давности. Документ предписывал лишать германскую армию возможности останавливаться в селах, выгонять захватчиков на холод в чистое поле, выкуривать из теплых помещений и убежищ. С этой целью в немецкий тыл забрасывались диверсионные группы — разрушать и сжигать дотла населенные пункты, пригодные для постоя немецкой армии.

Напротив выделялся такой же переулок, в нем обозначились смутные фигуры — сержант Лазаренко и его часть группы. Разведчики залегли,

лишь один силуэт колебался в морозном воздухе. Глеб оторвался от будки, показал на избу. Наблюдатель отозвался условным знаком: понял вас.

Несколько человек перебежали дорогу, присели под оградой, слились с сугробами. С другой стороны перебрались бойцы Лазаренко, разбежались по задворкам. Глеб отомкнул калитку и побежал, пригнувшись, к крыльцу.

— Вербин, за мной, остальным рассредоточиться...

У крыльца уже сидел на корточках сержант Лазаренко. За его спиной маячил кто-то еще — кажется, Гулыгин, вечно мрачный, язвительный, потерявший в Можайске всю семью, включая двух несовершеннолетних детей.

— Товарищ лейтенант, в избе местные мужики в количестве трех-четырех человек, — прошептал сержант. — Баба была, но ушла. У них настроение праздничное, с чего бы? Смеются, шутят, матом кроют. Это не партизаны. Хотите дорогу у них спросить? Так я и сам могу показать...

— Помолчи, Лазаренко. Людей распределил?

— Так точно, товарищ лейтенант.

— Кто там за тобой? Гулыгин? Пошли в дом, остальные пусть держат ухо востро. Поговорим с сельчанами, посмотрим, чем они тут дышат...

Бойцы затаились в огороде — визуально и не поймешь, что это люди. Небо покрывалось серостью. Рассвет в это время года — дело затяж-

ное, муторное. Жизнь, казалось, теплилась лишь в одной избе. Остальная деревня помалкивала.

Глеб поднялся на крыльцо. Дверь, обитая войлоком, была не заперта. Шубин осторожно подал ее вверх, чтобы не скрипнула, приоткрыл. Четверо бойцов проникли внутрь. В сенях ступали мягко, чтобы не задеть развешанный инвентарь, составленные друг в друга баки и тазики. На гвозде висели березовые веники — видимо, в доме любили попариться. За дверью в горницу высилась большая русская печь, беленная известью. Электричество отсутствовало, горела керосинка. От печи исходило тепло — вовсе не повод расслабиться.

Шубин повернулся, сделал знак: на месте! Разведчики остановились. В горнице приглушенно беседовали люди.

— Слышь, Сергеич, — сипло бубнил один мужик, — поднимай народ, хватит дрыхнуть. Скоро немцы подъедут — встречать пойдем. Матрене я уже сказал, чтобы стол ломился — баба вроде правильная, все сделает, даст шумок, чтобы тащили свои заначки. Мы теперь тут власть, мужики, и надо вести себя грамотно, чтобы немчура другую не назначила, а нас к стенке не поставила. Кто их знает, что у них на уме, у этих добродетелей. Но без нашей помощи они не справятся — должны понимать...

— Петрович, а ничего, что ты при большевиках председателем сельсовета был? — ухмыль-

нулся собеседник. — Тебя и поставят первым к стенке, а?

— А сам-то? Зоотехник хренов, в сельсовете народным избранником заседал — не чешет под лопаткой? Я месяц обязанности исполнял, а ты, считай, год штаны протирал, надои с обмолотами подсчитывал... Мы с тобой в партии не состояли, от парткома держались подальше, а нашего главного партийца Барыкина я бы первым кончил, кабы он не утек... Не нашли его, кстати?

— Нет его нигде, Петрович, всю деревню обошли. Ноги сделал, большевик проклятый.

— Ну, ничего, найдем. Так что помолчи, Сергейч. Немцы появятся на рассвете, чуйка у меня. Они дальше пойдут, на Клин, а мы здесь останемся и всех наших колхозников к ногтю прижмем. Припомним, кто тут в Красной армии служил, кто в партизаны идти агитировал, засады на немецкие колонны учинять... А пока буди, кто там еще не встал — лопаты в зубы, пусть дорогу дальше чистят. Там сугробы по шею, как немцы проедут? А им на Клин надо, на Солнечногорск. А через день-другой и Белокаменную возьмут... Толкни своего шурина, закемарил он чего-то, пока мы с тобой государственные вопросы решаем.

— Ага, Петрович, мигом сделаем. Эй, Санек, вставай, чего тебя развезло? — последовал звук оплеухи. Мужики смеялись, сновидец матерно выражался.

Немая сцена удалась. Шубин вышел из-за печки в круг света. Все трое опешили, грузный сельчанин с одутловатым лицом схватился за берданку, но замялся, не решаясь вскинуть. Двое сидели за столом, один зевал, очумело вращая глазами. Грузный мгновение назад сидел на подоконнике, а теперь мялся посреди горницы, напрягая глаза. Силуэт пришельца выделялся нечетко. Не угадаешь, кто такой — автомат за плечом, облачен во все белое, капюшон натянут почти на глаза. Проснувшийся мужик закашлялся, схватился за горло.

— Доброй ночи, господа! — каркнул по-немецки Глеб. Все понятно, но требовалось подтверждение. — Германская армия приветствует жителей освобожденной России!

Что-то другое в голову не пришло, но они и этого не поняли. Петрович вытянулся в струнку, задрал голову. В армии он служил, но очень давно. И неизвестно еще, в чьей армии! Остальные выскочили из-за стола. Коренастый Сергеевич неумело выбросил руку в фашистском приветствии, едва не врезав шурина по челюсти. У всех троих заблестели глаза. Там было все, что положено: робость, страх, предвкушение!

— Рады вас приветствовать, господин офицер... — забормотал Петрович, — милости просим, как говорится, на нашу гостеприимную землю. Мы представители местной гражданской власти, прогнали большевиков, вот вас ждем...